

ГРИГОРИЙ РОДСТВЕННИКОВ

Двадцать копеек

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Григорий Родственников

Двадцать копеек.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9638418

ISBN 978-5-4474-0860-2

Аннотация

Автор собрал под одной обложкой очень разные по форме произведения. От трогательных любовных рассказов до остросюжетных криминальных историй. Но всех их объединяет одно – героями являются наши с вами современники. Мы встречаем их на своем пути, проходим мимо, не задумываясь о том, какая у них яркая запоминающаяся, а иногда и очень нелегкая судьба.

В сборнике представлены произведения, написанные автором в период с 2012 по 2013 год.

Содержание

Двадцать копеек	5
Скальп генерала Дугласа	17
Весенний дождь	27
Любовь	35
Что нужно женщине?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Двадцать копеек
Сборник рассказов
Григорий Родственников

© Григорий Родственников, 2015

© Александр Разгуляй, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Двадцать копеек

Из цикла: ЛИХИЕ 90-е

1976 год.

Май выдался сухим и жарким. Толик Кулачков с трудом дождался окончания уроков и побежал к киоску, где продавалось мороженное. В кармане его школьного пиджачка лежало два десюнчика, как раз хватит на хрустящий вафельный стаканчик за девятнадцать копеек. Тетя Валя – продавщица, обязательно спросит: «Тебе с какой розочкой?». А Толик важно ответит: «С розовой». От предвкушения холодной сладости рот мальчика наполнился слюной. Какая же, все-таки, вкуснятина это мороженное.

К киоску выстроилась большая очередь, но это не смутило шестиклассника. «Подожду» решил Толик и пристроился за седенькой старушкой в красном платке в белый горошек. Чтобы скоротать время он принялся считать эти горошинки и так увлекся, что не сразу услышал справа от себя чей-то хрипловатый голос:

– Извини. Не подскажешь, куда лучше пойти учиться?

На него смотрели серые насмешливые глаза незнакомого старшеклассника.

– Что? – опешил Толик.

Старшеклассник, на вид ему было не меньше семнадцати, деловито развернул газету «Куда пойти учиться» и ловко отгородил ею Толика от остальной очереди.

– Никак не могу выбрать. – посетовал странный

Кулачков растерянно захлопал глазами, не зная, что ответить и вдруг услышал свистящий шепот:

– Дай двадцать копеек.

Ужас происходящего стал доходить до школьника. Глаза округлились.

– Ты не понял, с***ка? – старшеклассник улыбался. – Может мне в педагогический поступить? – громко спросил он.

Старушка в платке обернулась, одобрительно кивнула.

– Дай двадцать копеек, – с нарастающей угрозой прошептал грабитель.

Непослушной потной рукой Толик достал две десятикопеечные монетки и протянул парню. Тот ловким движением сграбастал деньги, аккуратно сложил газету и неторопливо побрел прочь.

Толик затравленно смотрел вслед белобрысому гаду, одетому в потертый джинсовый костюм и чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

1979 год.

Вика была очень красивая. Толик добивался ее расположения целый год: дарил красивые открытки, баловал страшным дефицитом – иностранной жвачкой и выискивал для нее записи последних альбомов «Аббы».

Они шли по тихой темной аллее. Толик обнимал ее за талию, а Вика доверчиво склонила голову на его плечо. Мальчик наслаждался запахом ее волос и трепетал от неведомого доселе чувства, чувства огромного запредельного счастья. Ему хотелось петь, носить Вику на руках. А еще ему хотелось читать стихи. Один стих он сочинил вчера ночью. Сейчас самое время прочесть. Тишина. Волшебный свет луны. Чарующе красивое лицо девушки, размытое призрачным сиянием и его тихий, и печальный голос. Что еще нужно?

Толик откашлялся, но не произнес ни слова. Язык внезапно прирос к гортани, потому что появился ОН.

Белобрысый ничуть не изменился.

В слегка подрагивающем свете фонаря хорошо видны наглые серые глаза. Презрительная ухмылка на тонких губах. Все тот же джинсовый костюм, между прочим, не индийская подделка, а натуральный – трущийся.

Он словно призрак материализовался перед влюбленной

парочкой. Хрипло скомандовал:

– Так, молодежь, быстро нарисовали по двадцать копеек!

Вика сдавленно ойкнула. А Толик дернулся как от удара. Дернулся и сник под взглядом холодных прищуренных глаз.

– По двадцать копеек, сосунки!

На Кулачкова накатила омерзительная слабость. Ноги стали ватными. Он смотрел в лицо негодяя и думал, что стоит ударить его коленкой в пах, потом ребром ладони по шее...

Видно, блондин угадал ход его мыслей, засмеялся.

– Ты что, мудило, перед телкой выкозюливаешь?

В живот Толика что-то уперлось. Скосив глаза, Кулачков увидел лезвие перочинного ножа. Небольшое, сантиметров семь. Но внутри что-то оборвалось, лоб покрылся испариной. Дрожащей рукой Кулачков извлек из кармана мятый рубль, протянул грабителю.

Тот хмыкнул, потрепал Толика по щеке:

– Хороший мальчик!

Больше Толик не встречался с Викторией. Девушка звонила, но он просил родителей сказать, что его нет дома. Ему было стыдно. В школе он съехал на тройки, но сильно не расстроился, его больше волновали предстоящие спарринги. Каждый вечер он приходил в спортзал и остервенело молотил грушу, приговаривая: «Вот тебе двадцать копеек, с***ка! Вот тебе двадцать копеек, тварь!».

1982 год.

Они сидели втроем на лавочке в сквере. Толик, Вавула и Пашка Герин, которого за непомерно высокий рост в шутку называли Гномом.

– Менты, суки, нашу школу каратэ закрыли! – сокрушался Вавула. – Только и успел два месяца ногами подрывать.

– В бокс иди. – посоветовал Кулачков. – Хороший боксер всегда любому каратисту навешает.

– Слышь, Толяныч, – Гном длинно сплюнул на землю, – Чего мы на этой аллее каждый вечер околачиваемся? Пошли лучше музон послушаем?

– Да одного урода хочу встретить. Я вам рассказывал.

– Это того, который тебя на двадцать копеек умыл? – заржал Вавула. – Да это когда было? Ему уже лет 25—30! Взрослый дядька будет копейки сшибать? Он что полный дебил? Ну, не хватало чуваку мелочи на пиво, а тут ты два раза ему подвернулся!

– Я бы ему эти двадцать копеек в глотку затолкал! – зло прошипел Кулачков. – Он меня перед бабой унизил...

– Это да. – глубокомысленно согласился Гном. – За это на куски рвать надо.

– Гляньте, пацаны! – Вавула ткнул пальцем в конец аллеи. – Какое сюда смешное чмо идет! Иди, Толяныч, спусти

пар, дай в репу.

– А чего мне ему давать? – огрызнулся Кулачков. – Он мне ничего плохого не делал.

– Оттянешься за старые обиды! Представь, что это тот хрен в джинсе!

– Сам иди!

Вавула кивнул Гному и оба подростка встав с лавочки пошли на встречу худому неуклюжему пареньку в нелепом коричневом берете.

– Здравствуйте! – растопырил руки Вавула, – Какая у вас красивая шапка! И цвет такой примечательный – какашечный! Дай поносить!

Паренек недовольно зыркнул на хулигана, поправил очки с толстыми стеклами и хотел пройти мимо, но Гном загородил ему дорогу:

– Стоять!

Толик смотрел на дружков и чувствовал, что его начинает разбирать смех.

– Да оставьте вы его в покое! – крикнул он.

Гном обернулся к Кулачкову, подмигнул и грозно скомандовал очкарику:

– Гони двадцать копеек!

– У меня нет. – с достоинством ответил паренек. – А если бы были – не дал бы! Свои надо иметь!

– Тогда получи, с***ка! – Вавула резко выбросил кулак в лицо очкарика.

И тут Толику стало не до смеха, потому что, как казалось, неуклюжий слепыш, вдруг ловко уклонился от удара и стремительно атаковал сам.

Голова Вавулы резко дернулась назад, из носа струйкой полилась кровь. А очкарик уже приласкал Гнома ударом в живот.

Толика словно ветром сдуло со скамейки. Длинный прыжок и ботаник получает прямой в челюсть. Потом град ударов по корпусу. Противник валится на асфальт, с его головы слетает нелепый коричневый берет. Толик наклоняется над поверженным противником, заносит кулак и, видит в его глазах страх. Нет, не страх – ужас. И тогда он удовлетворенно выпрямляется и лениво советует очкарику:

– Ты больше так не делай – убью.

Ночью ему снилось перекошенное от страха лицо паренька в берете. Толик улыбался во сне.

На другой день он позвонил Вавуле:

– Чего-то настроение хреновое. Пойдем сегодня вечером – кого-нибудь еще отметелим?

– Это я всегда, пожалуйста! – радостно отозвался прия-

тель.

1994 год.

Толик, позевывая, вышел из подъезда, сплюнул на покрытый инеем тротуар. «Холодно, блин!». Застегнул молнию кожаной куртки. Перед ним мягко притормозила черная «бэш-ка». За рулем Гном, рядом с ним Вавула. Оба в таких же кожанках, как у Кулачкова. Стоп. Он уже давно не какой-то Толя Кулачков. Он Толик «Кулак» – боец достаточно известной в городе ОПГ.

Распахнув дверцу BMW, Толик плюхнулся в кресло.

– Здорово, бандиты! Чё в такую рань потревожили?

– Кто рано встает – тому Бог баксы дает! – хохотнул Вавула, он был в их бригаде старший.

– Барыга у нас один «неокрышованный» объявился, – охотно объяснил Гном. – Сейчас прокатимся, перетрем.

Секретарша барыги – смазливая рыжеволосая кукла, попыталась загородить шикарной грудью директорскую дверь:

– Сергей Владимирович не принимает!

– Нас примет! – подмигнул ей Вавула, поднял как ребенка на руки и передал Гному. Тот глумливо захохотал и понес секретаршу к дивану, не забывая шарить у нее под юбкой, посадил и ласково предупредил:

– Сиди тихо, а то матку вырву.

Увидев трех амбалов, директор, похоже, не удивился. Лишь печально вздохнул и, изображая гостеприимного хозяина, предложил «господам» присесть.

Вавула сразу же приступил к делу, рассказал счастливицу как ему повезло с крышей и что лучшей защиты в городе не найти, а стоит эта замечательная услуга всего-то пятнадцать процентов от прибыли, у других цены несоизмеримо выше. Барыга, похоже, обрадовался и даже засмеялся. Вавула с Гномом тоже поохотали. Не смеялся только Толик. Он мрачно глядел на директора и шептал: «Ну, вот и встретились, парень в джинсах».

Когда дело было уже практически на мази и директор даже предложил братве откусать дорогого вискарика, Кулак неожиданно встал, надел на пальцы кастет и подошел к белобрысому предпринимателю.

– Сергею Владимировичу не нравится цифра пятнадцать! Ему нравится цифра двадцать! Ведь я прав?

С этими словами Толик нанес своему давнему врагу смачный удар по зубам. Директор упал на пол, а бандит принялся пинать его ногами.

– Вот тебе двадцать копеек, с***ка! Вот тебе двадцать копеек, тварь!

Вавула и Гном на мгновение оцепенели, но потом пришли в себя, оттащили Толика прочь.

– Ты что, Кулак, с катушек съехал?!

– Он будет платить двадцать процентов! – заорал Кулачков. – Ты понял, с***ка?!

Белобрысый тяжело поднялся, сплюнул кровью на дорожкой ковер. Усмехнулся разбитыми губами:

– Чего же непонятного? – и тихо добавил: – Я тебя тоже узнал. Вижу – подросток мальчик...

1995 год.

Толик хохотал и никак не мог остановиться. Он был изрядно навеселе. Кулачков вспоминал, как попросил хозяина кабака привести ему самую дорогую проститутку и тот вдруг привел Вику. Она его не узнала. Зато он ее узнал. Еще красивее стала, зараза. Школьницей была – взгляд не отвести, а сейчас расцвела по полной, округлилась. Глазищи в поллица, губки пухлые блестят от дорогой помады.

Что он только с ней не делал, и так и эдак, и вот так. Потом спросил:

– А помнишь, Вика, как мы с тобой по аллее в девятом классе гуляли?

Узнала! Даже рот от удивления открыла. А Кулак сунул ей в пасть мятые баксы, по заднице шлепнул «Проваливай,

дешевка»!

Как она на него смотрела! Чуть дыру не протерла.

«Толя, что с тобой стало? Тогда в школе... Ты же был совсем другим...».

«Ну, точно – чокнутая. Еще бы детский сад вспомнила».

Толик оставил машину на стоянке и продолжая хохотать, пошатываясь брел домой.

– Эй, Кулак, притормози! – неожиданно раздался знакомый хриплый голос.

Из темной подворотни навстречу шагнул высокий блондин. В руке пистолет с глушителем.

Толик остолбенел. Сердце екнуло.

– Ты? – спросил он, хотя и так знал ответ.

– Я!, – кивнул давний знакомый. – За последние годы мы слишком часто встречались. Мне это надоело. Прощай.

Сухо кашлянул выстрел.

Блондин какое-то время мрачно смотрел на мертвое тело, потом вздохнул, порылся в кармане плаща и швырнул на землю серебристую монетку.

– Вот твои двадцать копеек, жмот.

Рядом с головой Толика расплывалось уродливая тем-

ная лужа и в ней, как островок посреди океана, чужеродно поблескивала двадцатикопеечная монетка, по злой иронии судьбы, 1976 года выпуска.

27.03.13

Скальп генерала Дугласа

В одиннадцать лет я был лучшим фехтовальщиком своего двора. Да что двора, всего городка Моссовета. Я мог фехтовать с утра до вечера, зимой и летом, в снег и дождь. За несколько лет моя правая кисть приобрела такую подвижность, что я мог отбивать сыпавшиеся на меня удары не сходя с места, не прыгая и не отскакивая. Помню, я как раз демонстрировал мастерство фехтовального боя двум своим закадычным друзьям, Мишке и Андрею, когда во дворе появилась моя мама. Я ее не заметил, поскольку противники у меня были серьезными. Это было видно по их свирепым лицам, на которых так и читалось желание пронзить вашего покорного слугу насквозь. Мишка норовил стукнуть меня палкой по ногам, а Андрей корчил страшные рожи и вопил:

«Умри, каналья!».

Мама встала под дерево и с улыбкой наблюдала за нами. Она всегда улыбалась, когда ей доводилось подглядеть за нашими играми. Случалось это нечасто, ибо женщинам нет места в мужских забавах. Так я обычно объяснял ей, когда она просила посидеть рядом с нами. На самом деле я просто стеснялся взрослых. Мне казалось, что они обязательно скажут: «Ох, какой большой мальчик, а ведет себя, как ребенок».

Парировав удар Андрея, я сделал красивый выпад, и моя деревянная шпага нашла вражескую грудь. Андрюха изобразил на лице невыносимую боль и повалился на землю. А я атаковал Мишку, он сражался значительно хуже Андрея, поэтому я без труда расправился с ним.

Мама захлопала в ладоши и подошла к нам.

– Bravo, мушкетер!

Я недовольно тряхнул головой:

– Я не мушкетер! Я гвардеец кардинала! А мушкетеры, – моя шпага указала на лежащих на газоне Мишку и Андрея и старательно притворявшихся убитыми, – Мушкетеры мертвы!

– Хорошо, гвардеец, – покладисто согласилась мама. – Пора обедать. – потом она строго сказала моим друзьям:

– Ребята, вставайте! Земля сейчас холодная – можно простудиться.

Те радостно вскочили на ноги.

– Здравсьте, тётъ Галь!

Хитрый Мишка с интересом поглядывал на мамину сумку и жмурился, как кот на сметану. Он знал, что у мамы всегда есть, что-то вкусное. И он, как всегда, не ошибся. В этот раз мы получили овсяные печенья.

Андрей, роняя коричневые крошки на газон, говорил

с набитым ртом:

– Тетя Галь, Гришка здорово сражается, но ничего – в следующий раз мы прикончим его! Правда, Мишка?!

– Угу, – согласился Мишка. – А то он возгордился. Считает себя первым клинком Франции.

Мама прыснула от смеха, она всегда была очень смешливая.

По дороге домой она спрашивала меня:

– Почему ты всегда выбираешь отрицательные роли? Почему ты гвардеец, а не мушкетер?

– Потому что гвардейцы злые!

– Но ты же не злой.

– Но кто-то должен быть злым! Иначе играть не интересно! – Я удивлялся, что мама не понимает таких очевидных вещей.

– Но нельзя же всегда играть только отрицательных персонажей? Вот недавно на школьном спектакле, где вы ставили спектакль о героях-партизанах – ты изображал фашиста.

Мама открыла дверь ключом и мы вошли в квартиру. Папа на кухне, как всегда, возился с моторами. Это было его хобби. У нас дома было, наверное, два десятка моторов самого разного размера. Вот и сейчас, отец любовно прикручивал точильный камень к одному из них. Он довольно напевал какую-то песенку. На нас он не обратил никакого вни-

мания.

– Почему Миша и Андрюша были партизанами? – продолжила мама. – А ты немец?

– Потому что я пухлый! – ответил я. – Пухлых партизан не бывает!

– Кто тебе сказал, что ты пухлый? – нахмурилась мама. – Что за глупости такие? Ты нормальный.

– Ребята сказали, что я толстый. А где ты видела толстых партизан?

– Чем глубже в лес, тем толще партизаны. – пропел папа, закрепляя мотор на железной подставке.

Мама неодобрительно зыркнула на него и увела меня с кухни в комнату, усадила на диван.

– Если ты толстый, то зачем засунул подушку под рубаху?

– Что бы быть еще толще! Видела, какое у меня стало большое пузо?! Все зрители сразу поняли, что я матерый фашист!

– И чего ты добился? Твоим друзьям все аплодировали, а в тебя один мальчик швырнул огрызок яблока.

– Правильно швырнул. Я бы тоже швырнул. Зато все поняли, что фашисты очень плохие.

– Ладно. – мама махнула рукой. – Сыграл ты хорошо, но для этого совершенно не обязательно было портить валенки. Дедушка обещал приехать и надрать тебе уши.

Мне стало грустно. Дедушка у меня был строгий, но справедливый. Неужели он не понимает, что я просто обязан был выкрасить подаренные им валенки нитрокраской? Зато они получились черные и блестящие, как настоящие сапоги.

– Бог с ними, с валенками. – улыбнулась мама. – Я сегодня встречалась с тетей Любой и она обещала завтра приехать к нам в гости.

Если мама думала, что известие о приезде тети Любы обрадует меня, то она глубоко ошибалась. Мне очень не нравилась эта мамина подруга. Во-первых, у нее был резкий и неприятный голос, как воронье карканье. А во-вторых, она постоянно поучала маму и читала ей нотации. А мама сидела, опустив голову, как провинившаяся школьница.

– И вот что тетя Люба нам подарила.

Мама вытащила из сумки большую коробку и я увидел в ней потрясающей красоты куклу. Резиновую, с открывающимися глазами и длинными ресницами. Но самым великолепным были ее волосы – белоснежные, шелковистые.

Я издал вопль восхищения.

– Это кукла из Германии. Тебе нравится?

Я быстро закивал головой, ибо от переполнявших меня чувств лишился дара речи. Мама засмеялась и ушла готовить

обед.

Целый день я ликовал. Брал куклу на руки и ходил по комнатам.

А на другой день ко мне пришел Мишка. И Грета, такое имя было написано на коробке, лишилась своих волос...

Ибо для всех окружающих она была Гретой, но мы с Мишкой тот час распознали в ней злобного генерала Дугласа.

Мы сняли с нее скальп! А как же иначе? Ведь мы играли в индейцев!

Во времена моего детства очень популярны были фильмы про мужественных краснокожих и их нелегкую борьбу с белыми завоевателями. Я прочитал всего Майн Рида и Фенимора Купера, и считал, что знаю об индейцах все!

Я стоял на середине комнаты, разрисованный губной помадой и потрясал скальпом генерала Дугласа – притеснителя всех североамериканских индейцев. Лицо мое было надменным, а речь напыщена.

– Бледнолицые собаки! – вещал я, – Вы гоните нас с нашей земли, но все мои братья уже отрыли томагавк войны! Карающая длань Маниту обрушится на вас, белые склизни, как гордый орел на трусливую мышь! А скальп вашего вождя я приторочу к крупу моего коня в нашем священном походе!

– Хо! – воскликнул сидящий у моих ног Мишка, раскрашенный в такую же устрашающую боевую раскраску и с тор-

чащими из волос гусиными перьями, – Ты хорошо сказал, Маленький Бизон!

Мишка был почти на полторы головы ниже меня, но почему-то называл меня Маленьким Бизоном. Себе он величал Большим Медведем.

Ответить я не успел. За нашей спиной раздался жуткий вопль.

– А-а-а-а-а!

В дверях стояла тетя Люба, мама и племянница тети Любы Светлана.

Вопила тетя Люба. Лицо ее покраснелось, глаза вылезли из орбит, а подбородок дрожал.

Мы с Большим Медведем пятились вглубь комнаты, а тетя Люба надвигалась на нас с неотвратимостью цунами.

– Идиоты! Варвары! Сломали куклу! Ох, и дурак же у тебя сын, Галина! Смотри что он сделал! – ее указательный палец с длиннющим ногтем указывал на скальпированного генерала Дугласа, привязанного к ножке кровати и истыканного стрелами, которые мы соорудили из пустых стержней от шариковых ручек.

– Это же садист! Смотри, кого ты воспитала!

На маму было жалко смотреть. Казалось, что она вот, вот расплачется.

Потом продолжающую вопить тетю Любу увели на кухню отпаивать валерианой. Мы с Мишкой понуро сидели в углу и прислушивались к разговору взрослых. Хорошо, что тетя Люба приехала не одна, а с племянницей. Свете было уже много лет – почти девятнадцать и она казалась мне жутко умной. Вот и сейчас она заступалась за нас. Рассказывала, что в какой-то стране проводили эксперимент, изъяли все военные игрушки и дети выросли грубыми и агрессивными. Мальчишки должны играть в войну.

Вроде бы, многоумная Светлана сумела успокоить свою тетушку, потому что нас с Мишкой позвали на кухню.

Взрослые обнаружили мою композицию слепленную из хлеба. Композиция располагалась на коробке из под торта и являла собой целый восточный караван. Лошади, верблюды, люди.

– Как ты здорово лепишь, Гриша! – похвалила меня Светлана. – Все как живое!

Лепил я действительно неплохо и на всех конкурсах неизменно занимал только первые места.

– И что это за народное творчество? – угрюмо спросила тетя Люба. – И почему это стоит на кухне?

– Потому что здесь балкон. – буркнул я.

Тетя Люба посмотрела на меня как на полного кретина и даже возмущенно закатила глаза.

– Это караван. – вступил в разговор Мишка. – Они идут и не знают, что в здешних местах водятся гигантские птицы Рух! А потом эти птицы как нападут!

– Какие еще птицы? – нахмурилась тетя Люба.

– Гигантские! – лучезарно улыбнулся Мишка. – Как в Симбаде! – не дожидаясь моего разрешения, он схватил коробку, выбежал на балкон и установил композицию на балконном столе. Затем вернулся на кухню и заговорщически прошептал:

– Тихо! Птицы Рух уже почуяли добычу...

Ждать пришлось недолго. Очень скоро захлопали крылья и на балкон приземлились два сизаря. Минуту они сидели, потом словно по команде накиннулись на караван.

– Смотрите, смотрите! – орал Мишка. – Как тому всаднику откусили голову! Гришка, гляди – Рух уносит осла!

Но что было потом, мне даже вспоминать не хочется. Оказывается, подруга моей мамы сразу не поняла из чего вылеплены фигурки.

Мы с Мишкой убежали на улицу, а тетя Люба рычала нам вслед:

– Войну на вас надо! Я вам покажу, как издеваться над хлебом! Мы в детстве крапивой и лебедой питались, а вы над хлебом мудруете! Да вас пороть надо день и ночь! Пороть!

Пороть! Пороть!

20. 10. 13.

Весенний дождь

В соавторстве с Саией Веселовым

Дурацких историй на свете множество. Ну, так пусть эта будет самая дурацкая. Наша жизнь нам только кажется воплощением греческих трагедий, но на самом деле обо всем можно рассказывать смешно, если, конечно, заранее договориться о жанре. Теперь вы всё знаете – это просто дурацкая история.

Итак. Солнце. Весна. Офис – прибежище великовозрастных балбесов. Сергей, устав руководить отделом корпоративных продаж, оторвался от монитора, закрыл свою страничку в сервисе для микроблогов, и громко сказал:

– Ни черта не вижу! Уважаемые коллеги, вам солнце не мешает?

На его замечание никто особенно не отреагировал. Сергей решил конкретизировать просьбу:

– Петенька, будь человеком, задерни шторы.

Худосочный очкарик, будущий юрист, по штатному расписанию напрямую Сергею не подчинявшийся, бросил на него испепеляющий взгляд и буркнул:

– Мне не мешает. Тебе надо, ты и задергивай!

– Грубо, – рассмеялся Сергей, – рабочий день только на-

чался, а вы уже испачкали его негативом, как пачкает забор неприличными словами малолетний хулиган. Стыдно, Петя. Вы должны радоваться жизни и вырабатывать гормон радости – эндорфин. А вы не вырабатываете и другим не даете!

Очкарик стиснул зубы, и сосредоточенно задолбил пальцами по клавиатуре, создавая очередной ответ на письменную претензию клиента, вероятно, обделенного эндорфином по вине их компании. «Злится, – злорадно отметил Сергей, – Светку простить не может. А в этом деле он мне точно не соперник. Побеждает не тот, кто сильнее, а тот кто привык побеждать».

– Пётр Иванович, у вас от злости очки запотели.

Сергей бросил взгляд на Светку. Офис-менеджер делала вид, что работает, но глазки-то как возбужденно сверкают. Губки намеренно сжала, но видно – с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться. Хороша. Кофточка в обтяжку, сисечки, как два острых холмика, на щечках румянец. Сергей заерзал на стуле, взял со стола лист бумаги, разорвал на несколько частей, скатал шарики и принялся швырять ими в Светку. Один не долетел, другой ударился рядом о стол, зато третий угодил точно в лоб.

– Андрей Кириленко, – радостно завопил Сергей, – звезда НБА!

Светка подняла на него свои изумрудные глаза.

– Сергей Витальевич, вам что делать нечего?

– Нечего, Света! – развел руками Сергей. – Совершенно нечего! Отчёт свой еще вчера сделал, а новый фронт работы шеф не определил.

– Везет вам. – Девушка встала из-за стола, повернулась к нему спиной и принялась неторопливо подбирать с пола бумажные шарики. Она медленно наклонялась, демонстрируя Сергею умопомрачительную попу, обтянутую черной юбкой.

Губы Сергея пересохли, а пульс участился до предела.

Света бросила обрывки бумаги в мусорную корзину и, покачивая бедрами, направилась к двери.

– Пойду, выброшу.

– А я пойду, покурю! – вскочил на ноги Сергей.

За дверью он притянул Светку к себе, поцеловал, притиснул к пожарному ящику.

Когда руки его заскользили вниз, девушка вырвалась.

– Ты с ума сошел! А если увидят?!

– Их проблемы! Я хочу тебя прямо сейчас!

– Сейчас нельзя! Давай подождем до вечера?

– Да я сдохну до вечера! Слушай, Светик, внизу машина!

Весна зря пропадает. Махнем в лес? Там красотища.

– Ты чего? До конца работы еще пять часов!

– Ерунда! Шефа все равно еще часа три не будет! Давай на часок махнем?

– Ну, не знаю... Все же поймут...

– Все и так всё понимают. Скажем, что к япошкам пошли.

Через час обед.

Они приехали в лес. Отъехав довольно далеко от Москвы по Каширке, минуя множество мест, где прекрасно могли бы исполнить задуманное. По крайней мере, до этого случая, для короткой любви их вполне устраивали гостиницы, съемные квартиры, клубы, в укромных закутах которых, стояли кожаные диваны, целомудренно отгороженные от остального мира занавесками, тонированный салон его Тианы предусмотрительно трансформировавшийся в «двухкоешный номер» или, на худой конец, кабинет генерального с тяжелой мебелью и отличной звукоизоляцией. Нет нужды до бесконечности множить список мест пригодных, и на первый взгляд не очень пригодных, для того чтобы делать ЭТО. Для этого не нужна большая фантазия, только ваше желание. И тогда весь мир становится спальней.

Лес, наполненный жарким полднем, зеленой травой, первоцветами, неведь откуда взявшимся натурально грибным запахом, крестословьем незнакомых тропинок посреди удивительных хвойно-лиственных смешений средней полосы и высоким небом с лёгкой беспечностью облаков, встретил их равнодушно.

Ветер не стих, не поднялся, его просто не было. Птицы тоже не обратили никакого внимания ни на вырез голубенькой кофточки Светки, не очень-то скрывавшей эффектный «пуш-ап», который в свою очередь лелеял две юные полусферы, о которых было сказано в начале повествования; ни на Сергея, предоставившего девушке право выбора направления, взамен возможности идти сзади, и пялиться на черную юбочку, не скрывающую то, что скрыть в её возрасте не возможно – красоту и молодость.

Конечно, их видели облака, но они были слишком легкомысленны сами, чтобы поучать, кого бы то ни было. Их видело солнце, слишком высокопоставленное, чтобы откровенно завидовать. Их видели все и никто. Они были практически одни.

Когда Сергей протянул вперёд руку, девушка немедленно повернулась, словно ждала этого движения... А дальше случилось то, что и должно было случиться, но входить в подробности, не позволяют рамки выбранного жанра. И всё-таки сказать «было неплохо», значит, не сказать ничего. Было великолепно.

Зато потом, примерно после обеда, они заблудились. Их навороченные мобильники остались заперты где-то в машине. Неожиданно начался дождь. Они оба вымокли, долго простояли, прижавшись спинами к дереву, говорить было

особенно не о чем. Но молчание тяготило. Особенно Сергея.

– В лесу я ориентируюсь плохо, да и не запоминал я до-рогу, это же ты её выбирала.

– Но я думала, ты же мужчина, охотник и всё такое?!

– Я поэт... был когда-то.... я даже никому не сказал, где я!

– Не успел похвастать?

– Было бы чем!

– Скотина...

– Отлично, стоило переть такую даль, чтобы ещё раз услы-шать то, что я слышу последние пять лет каждый день вме-сто «доброго утра»!

– А мне жалко твою Марину Марковну.

– Зато ты ей по барабану!

– Это потому что она не знает про меня. Вы, Сергей Ви-тальевич, не настолько безрассудны, чтобы посвятить жену в подробности ваших левых приключений.

– Левые приключения. – Повторил Сергей, пробуя слово-сочетание на вкус. – Звучит довольно глупо. Впрочем, дру-гого я от тебя и не ждал.

– Знаешь в чем твоя проблема? – Светка вдруг разозли-лась. – В том, что ты самовлюбленный Нарцисс! Был такой юноша...

– Я знаю, кто такой Нарцисс! – перебил Сергей. – Во-пер-вых, я давно не юноша, во-вторых, не нужно считать себя ходячей Википедией, а в-третьих...

– В третьих, ты просто самонадеянный осел! – закричала

Светка.

– А ты мокрая курица!

– Спасибо тебе, любимый! Ты никогда не был скуп на комплектенты!

– Всегда, пожалуйста! Вам дать пакетик или так унесете?

Светка успокоилась также неожиданно, как завелась.

Пристально посмотрела на него.

– Знаешь, хорошо, что мы попали под дождь. Иначе я так бы и не увидела твоё истинное лицо.

– А что у меня помаду смыло или ресницы отклеились?

– Дождь смыл всю фальшивую позолоту. Теперь я вижу, что ты обычная медная погремушка.

– Хорошо, что не железобетонная.

– Прав был Петя: ты любишь только себя.

– Ах, Петя! Петя всегда прав! В постели меня обсуждали?

Ну, и как он? Очки хоть перед этим делом снимает?

Светка отвернулась от него. Необыкновенно красивая. Насквозь промокшая. И пошла прочь. Сергей, идя за ней, недовольно бурчал:

– Петя знает, что говорит. Это же не кто-нибудь, а сам Петя. Светило юриспруденции и тайный мастурбатор, гений маркетинга и герой любовник.

Но она не слушала, упрямо шла вперед, не замечая ни острых веток, ни дождя, шла пока лес не закончился. Удивительно, но они вышли прямо к дороге, к тому самому месту,

где на обочине черным блестящим жуком застыла Тiана. После дождя машина Сергея казалась новенькой. Солнце уже растаскивало тучи. Весна продолжалась в своем непостижимом обаянии красоты и молодости. Весь мир вокруг стал ещё прекрасней. Но эта история уже закончилась, как, собственно говоря, заканчиваются все дурацкие истории. До города они доехали молча, не проронив ни слова. Ни музыки, ни последних известий. На работу возвращаться не было никакого смысла, они расстались возле ее дома. Попрощались, легко соприкоснувшись улыбками. Светка не оглянулась. А спустя минуту Тiана Сергея вылетела со двора с присущим ей пренебреженьем ко всему остальному миру, и растолкав едущих в попутном направлении, вписалась в поток и исчезла среди огней, спешащих неведомо куда, зачем и откуда.

Май 2013

Любовь

Туман. Скользкий холодный и бесчувственный. Вязкий и голодный, пожирающий пространство и время. Распластавшийся на кладбищенской ограде и ощупывающий клубящимся языком фигуры неподвижно застывших людей. Мертвая тишина, нарушаемая лишь шуршанием мелкого, как пыль, дождя, едкого и соленого. Соленого? Почему такой странный привкус? Или это его слезы? Слезы человека, которого зовут Ивар Бедрис.

Уже больше часа он стоял на коленях перед открытым гробом. Стоял в коричневой грязевой луже и задавал себе только один вопрос: почему?

Почему его счастье было таким коротким?

Люди за его спиной молчали. Их было немного. Только родственники жены. Сам Бедрис не успел завести друзей. В Риге были, а здесь нет. Зачем? Для него всем была Наташа. Жена. Любовница. Подруга. Луч света в этом неуютном мире. Мире лжи и предательства. В мире, где свечи гаснут, не успев разгореться. В мире, где счастье измеряется мгновениями.

Тесть – пожилой толстяк с обвисшими мокрыми усами, негромко кашлянул и указал сыну подбородком на колени-преклонённого Ивара. Тот вздохнул, неуверенно подошел к Бедрису, положил руку на его плечо:

– Пожалуйста, Ивар... Надо закрывать крышку...

– Что? – глаза Бедриса горели безумным огнем.

– Надо закрыть крышку гроба. Уже пора...

– Пожалуйста! Еще немного! – взмолился Ивар. – Пять минут!

Юноша пожал плечами и отошел.

Ивар сжал виски дрожащими руками. Надо вспомнить. Вспомнить что-то возвышенное напоследок. Ведь Наташа была ангелом. Добрым, мягким, тонким и легкоранимым. Но отчего-то в голову лезли только воспоминания о первой брачной ночи.

Разобранная кровать, а она в белом подвенечном платье.

«Пожалуйста, милый, отвернись... Я разденусь...»

На щечках пунцовый румянец, тонкие пальчики смущенно теребят кружевной воротничок.

Он не совладал с собой. Накинулся, как голодный зверь, рвал белое платье, впивался губами в молодую грудь, оставляя на нежной коже кровавые засосы. Наташа кричала от боли.

От воспоминаний закружилась голова. Ивар застонал и вцепился ногтями в собственное лицо. «Ничтожество! Грубый мужлан!»

На щеках появились кровавые царапины.

Брат жены тихо сказал гробовщикам:

– Закрывайте крышку.

– Нет! – закричал Бедрис. – Подождите! – умоляюще посмотрел на молодого человека, торопливо и бессвязно заговорил:

– Это нельзя! Паша, пойми, она сейчас с нами! Её душа здесь! Она здесь! Она смотрит!

– Ивар, ты бредишь! Ребята, закрывайте!

– Нет! – истерично закричал Бедрис. Вскочил на ноги, оттолкнул работников кладбища, подбежал к гробу и прижался к телу умершей женщины.

«Боже! Как ты прекрасна!»

Он целовал ее мокрое бледное личико. Лоб, губы, нос. Потом стал слизывать языком капли дождя с лица.

– Да уберите вы его! – закричал тесть. – Уберите!

Несколько человек оттащили его от гроба. Застучали молотки. При каждом ударе Ивар вздрагивал.

Он сидел под чахлой березой, раскачивался в безумном трансе и тихо подвывал. Он не смотрел, как гроб на тросах медленно опускают в глубокую яму, как засыпают землей.

На могильном кургане установили железный крест. На нем повесили фотографию миловидной белокурой женщины с большими грустными глазами. Такой он запомнит ее навсегда.

На территорию кладбища въехал полицейский микроавтобус. Остановился. Дверь плавно отъехала в сторону. Два сержанта в серых форменных комбинезонах сноровисто спрыгнули на землю, подняв фонтаны бурой грязи. На груди висели короткоствольные автоматы. Последним микроавтобус покинул высокий плотный человек в черном плаще. Он аккуратно перешагнул лужу, оглядел толпу и уверенно направился к Бедрису.

Остановился в двух шагах, негромко кашлянул.

– Какая отвратительная погода. Дождь, слякоть...

Ивар медленно поднял голову. Скользнул по незнакомцу затуманенным взглядом.

– Кто вы?

Тот сунул ему под нос удостоверение:

– Капитан Никоненко. Уголовный розыск.

На бледных губах Ивара промелькнула улыбка.

– Чем могу помочь, Виктор Павлович?

– О! как! – удивленно хмыкнул полицейский. – В глазах слезы, на лице подавленность от внезапно свалившегося несчастья, а мое имя-отчество моментом срисовали! Удивительный вы человек, господин Бедрис.

– Это профессиональное, – грустно вздохнул Ивар. – Я переводчик. Приходится много читать...

– Я знаю, кто вы, – перебил полицейский. Лицо его вдруг стало озабоченным: – Вы бы встали. Что же вы, Ивар Янисович, на сырой земле сидите? Вымокли до нитки. Ноги мокрые, брюки в грязи. Не ровен час – ревматизм какой-нибудь или радикулит заработаете. А тюремная больничка это ведь не санаторий...

Бедрис медленно поднялся.

– Что вы имеете в виду?

Никоненко взглянул на него с прищуром.

– Только то, что вы – хитрый, ловкий и расчетливый преступник. Все предусмотрели, а об одном забыли. Гляньте на свои руки – они до сих пор в крови.

Ивар взглянул на ладони, и в этот момент капитан ловко защелкнул на его запястьях стальные наручники.

Бедрис дернулся, но Никоненко сжал его плечо сильными пальцами.

– Не надо лишних телодвижений, Ивар Янисович!

Полицейский рассмеялся.

– Обожаю этот трюк. Все покупаются. Даже отпетые рецидивисты.

Лицо Бедриса перекосилось от злости:

– Вы полагаете, это смешно? Я что арестован? В чем вы меня обвиняете?

– Вы обвиняетесь в убийстве трех человек.

– Всего-то! – присвистнул Ивар. – Почему не десяти, двадцати?

– У вас же было три жены?

– Допустим. И что?

– А то, что ваша последняя жена оказалась сообразительнее первых двух. Незадолго до смерти она начала подозревать вас. Наняла частного детектива, и тот нашинковал вашу квартиру жучками и камерами, как хороший пекарь булку изюмом. Все ваше преступление от начала до конца записано на видео.

Ивар презрительно сплюнул на землю.

– Веселое, должно быть, кино. Я, как мавр Отелло, душу свою Дездемону. А я случайно не попросил ее помолиться перед смертью? Звук там качественный? Зрители будут рыдать.

– А вы быстро сбросили маску несчастного подавленного вдовца. Теперь на вас маска оскорбленной невинности. Вы

хороший актер. Нет. Вы не задушили несчастную Наташу – вы ее отравили. Яд редкий, с трудом поддающийся идентификации. Следствию еще предстоит выяснить, где вы его раздобыли...

На лице Ивара появился звериный оскал, он рассмеялся:
– Вы сказочник, капитан Никоненко. С удовольствием бы послушал вас в другое время, но сейчас не тот настрой. Я потерял любимую жену.

Бедрис начал медленно пятиться задом. Капитан с усмешкой следил за ним, потом устало произнес:

– Если вы думаете, что я буду гоняться за вами, Ивар Яни-сович, по этому грязному кладбищу, то ошибаетесь. Я просто пристрелю вас. Или это сделают мои ребята. В этом случае придется помучиться, ибо они приучены стрелять по ногам. Прошу вас вернуться. Я еще не закончил.

Ивар скрипнул зубами и сделал несколько шагов навстречу полицейскому. А тот невозмутимо продолжал:

– Благодаря видеозаписи, нам даже не пришлось проводить у вас на квартире тщательный обыск. Яд вы хранили в спичечном коробке. Маленький бумажный коробок, на котором шариковой ручкой вашим почерком написано слово «любовь»... Странные у вас представления о любви, или это любовь к убийствам?

Ивар тряхнул мокрыми кудрями, глаза злобно сверкнули.

– Что вы понимаете в любви, грубый полицаи?! Любовь – это свеча, которая не может гореть вечно! Свеча, обжигающая руку того, кто ее зажег! Она оставляет болезненные ожоги. Эти ожоги – память о минутах блаженства! Любовь – это роза, будоражающая сознание и заставляющая вдыхать ее аромат снова и снова, но лепестки ее опадают со временем. И лишь совокупившись с солнцем, она обретет новый царский убор. Но это будет уже другой цветок! Любовь – это...

– Хватит! – прервал его оперативник. – Я с удовольствием послушаю ваши философские инсинуации в салоне теплого автомобиля. А под дождем мне этого делать не хочется. Шагайте, гражданин Бедрис.

У дверей микроавтобуса Ивар внезапно остановился.

– Подождите. Вы хотите сказать, что этот придурок частный детектив все видел от начала и до конца?

– Именно так.

– Видел и даже не попытался остановить меня?

Бедрис запрокинул голову и громко расхохотался.

– Так вот, что я вам скажу: эта гадина во сто крат хуже меня! Вот кто настоящее чудовище!

Отец умершей, слышавший весь разговор, стоял, сжимая кулаки. Потом неуклюже опустился на землю. Губы его по-

синели. Он схватился рукой за сердце и стал медленно заваливаться на спину.

Кто-то истошно завопил:

– Скорую! Вызовите кто-нибудь скорую!

Полицейский микроавтобус, урча мотором и подскакивая на колдобинах, неторопливо выруливал с кладбища. А вслед ему с фотографии на могильном кресте глядела миловидная белокурая женщина с большими грустными глазами.

За рваной занавесью тумана тускло полыхнула молния. Дождь усиливался...

05. 01. 13.

Что нужно женщине?

Иннокентий умел нравиться женщинам. Красивый независимый с загадочной улыбкой, притаившейся в уголках пухлых губ. Он небрежно

дымил сигареткой, прихлебывал из пузатого бокала пиво и читал стихи:

*«Зачем течёт холодная река,
Туда откуда больше нет возврата?
Куда спешат седые облака
Над заревом тревожного заката?»*

Анжела пожирала его взглядом голодной волчицы и временами забывала дышать. На Николая она даже не смотрела.

Чтобы привлечь к себе внимания, Николай громко зааплодировал. Девушка бросила на него негодующий взгляд и даже сжала кулачки.

А Иннокентий, лениво смахнув сигаретный пепел в наполненную окурками пепельницу с воодушевлением продолжал:

*«И почему сегодня горек дым
Последней, самой вкусной папиросы?»*

*Как можешь ты быть счастлива с другим?
Кому нужны наивные вопросы?»*

– И почему же? – Нарочито громко спросил Николай, вновь делая попытку переключить внимание на себя.

Кеша казалось только и ждал этих слов. Театрально разведя руками, он с пафосом произнес:

*«Ответов нет? Ответов не ищу...
Мне просто всё до срока надоело,
На волю своё сердце отпущу,
Ты со своим, что хочешь можешь сделать».*

Николаю стало тоскливо. Он столько дней безуспешно пытался понравиться Анжеле, дарил цветы, дежурил возле ее подъезда и вот, когда она, наконец, согласилась поужинать с ним, появился друг детства. Вездесущий Кешка. Поэт и жизнелюб. Нет, Николай больше не злился на приятеля. В конце концов, эта девушка не для него. Романтичная изысканная с хорошими манерами и тонким вкусом. Вон как на Кешку смотрит. Глазки так и горят. И Иннокентий ей подходит. Оба высокие стройные. А он? Конопатый крепыш, почти с нее ростом. Да еще хромой.

Николай грустно улыбнулся. И как ему взбрело в голову волочиться за такой красавицей? Не иначе бес попутал. Или последствия контузии.

Иннокентий оканчивает Литературный институт, печатается в толстых журналах и раздает девушкам автографы, а он? Пять лет лазил по чеченским горам с автоматом наперевес, а сейчас работает охранником в гипермаркете. И кому, скажи на милость, ты такой нужен?

Там был нужен. А здесь? Похоже, никому.

Словно угадав его настроение, Кешка с надрывом начал читать:

*«Вечером письмишко я тебе черкну,
Если до отбоя где-то не усну,
И еще братишке передай привет,
Расскажи, что снега здесь в помине нет.*

*Только на вершинах высоченных гор,
Ну, а там частенько щелкает затвор,
И кусочек малый серого свинца
Пробивает с визгом юные сердца».*

Кешка читал здорово. На Николая внезапно нахлынули воспоминания.

*«Вляпались в засаду, на секунды счет,
И врастает в камень наш гвардейский взвод,
Сыпятся осколки, как железный дождь,
Сотрясает горы каменная дрожь».*

Заныла простреленная чеченской пулей нога. Незаметно для себя Николай стал тихо подвигать.

Анжела тронула его за плечо:

– Коля, тебе что плохо?

– Нет. Все в порядке. – Он умоляюще посмотрел на приятеля. – Прошу тебя, Кеша, не надо...

Но Иннокентий только возвысил голос. Он даже привстал с места и глядя на Николая сверху вниз гремел:

*«И разделим правду только мы и горы,
Ох, горька же правда – разрыдаться в пору,
В кровь, кусая губы, рву чеку гранаты,
Мы теперь не мальчики – мы теперь солдаты!»*

Николай закрыл лицо руками. В голове нарастал противный свист. Тошнило.

Словно в тумане, он видел, как поднимаются со своих мест Иннокентий и Анжела. Кеша что-то говорил ему, покровительственно хлопал по плечу, а он лишь махнул в ответ потной рукой.

В голове внезапно прояснилось. На столе остались недопитые бокалы с пивом, остатки ужина и переполненная пе-

пепельница.

«Стыдно. Растекся, как впечатлительная барышня. С каких пор он стал таким ранимым? После ранения. Каламбур: ранимый после ранения».

Николай порылся в пиджаке, выудил мятые рубли, аккуратно положил под пепельницу и поднялся.

Прохладный ветерок взъерошил его каштановые волосы, охладил пылающее лицо и принес удивительное умиротворение. Вдыхая вечернюю свежесть, он медленно побрел в сторону дома.

На аллее раздавались чьи-то возбужденные голоса. Похоже, опять пьяные ребята отношения выясняют. С недавних времен Николай старался избегать осложнений с местной шпаной. Мало ли что? Подписку ведь давал. Но знакомый голос заставил его замереть на месте. Кричала Анжела.

В следующую минуту, он уже мчался к ней, раздирая лицо и руки об острые колючие кусты.

Так и есть. Шпана. Трое подвыпивших подростков обступили Кешу и Анжелу. Глумливо пихали Иннокентия в грудь.
– Ты кого толкнул, с***ка?

Кеша был бледен, как выплывшая из —за туч луна. Николаю даже показалось, что он слышит, как стучат его зубы.

– Ребята, вы чего? Я же извинился... Ребят, не надо...

Стремясь быстрее прекратить унижения друга, Николай возвысил голос:

– Пацаны, вам что делать нечего?

К нему обернулись. Высоченный прыщавый подросток с подчеркнутой хрипотцой осведомился:

– А это что за пидорок нарисовался? Тоже по хлебальничку хочешь?

– Да пусть катит отсюда! – Вступил в разговор другой хулиган. – Отпусти его, Серый! Видишь – калека хромой! Наверно с самоката навернулся!

Николай досадливо поморщился. Неужели его хромота так заметна? А ведь он старался не хромать.

Раздвинув хулиганов плечом, он обнял Анжелу и Кешу.

– Пойдемте, ребята.

На мгновение выпустил подростков из вида и тотчас поплатился.

– На! С***ка!

Кулак Серого врезался в лицо, ожег резкой болью.

Сам по себе удар был не сильный, но весьма неприятный. Здоровенный кулачище Серого задел одновременно и нос и верхнюю губу. Обильно пошла кровь носом.

Сознание вспыхнуло бешеной яростью. Но лишь на секунду. Спокойно, Коля, это всего лишь дети!

Он действовал расчетливо и хладнокровно. Блок! Удар! Поворот в сторону. Удар! Еще удар!

Трое хулиганов лежали у его ног и тихонько скулили. Кажется, ни кому ничего не повредил. А то могут быть проблемы.

– Коля!

Истеричный вопль Анжелы заставил его вздрогнуть. В ее глазах плескался ужас. Кровь из разбитого носа продолжала заливать рубаху и пиджак, а еще противно зудела губа. Николай дотронулся до нее. Здорово опухла. Проклятье!

Ему вдруг стало невыносимо стыдно за свой внешний вид. И так не красавец, а сейчас, наверное, похож на Квазимодо.

– Коля!

Анжела порывалась подбежать к нему, но ее не пускал

Кешка.

– Да уведи ты ее отсюда! – Закричал Николай. – Уведи!

Николай отвернулся. За его спиной Кешка что-то шептал Анжеле, та всхлипывала. Потом они ушли.

Он стоял над преувеличено громко стонущими подростками и мрачно хмурился. А как хорошо начинался вечер. Он сам все испортил. Вел себя, как последний дурак! Сначала мешал Кешке читать стихи. Хотел внимание на себя обратить! Павлин хренов! Теперь вот отметелил малолеток. Боец спецназа, дерущийся с детьми! Позорник! Да еще сам по роже получил!

Прыщавый Серый встал на четвереньки и попытался уползти в кусты.

Николая охватила злость. Он с силой врезал ботинком по тощему задку и когда хулиган взвыл, ухватил за длинные сальные волосы, притянул к себе.

– Слушай, гадина! Еще раз в этом районе увижу – убью! Ты меня понял?!

– П... понял...

Отшвырнув подростка, Николай выпрямился, глубоко вздохнул и медленно побрел прочь.

* * *

Утром он недовольно разглядывал себя в зеркало. «Ну и физиономия. Краше в гроб кладут. Опухоль, наверное, еще дня три не спадет...»

Зазвонил телефон. В трубке раздался визгливый крик Кешки:

– Спишь, сволочь?! Сделал свое черное дело и спишь! Бычара отмороженный! Чеченец недостреленный! Падло тупорылое! А я думал ты друг! А ты увел мою девчонку! Гнида контуженная!

Николай опешил.

– Кешка, ты сбрендил? Это ведь ты её у меня увел!

– Ты что совсем идиот?! Я что просто так в той кафешке нарисовался?! Я за ней уже две недели ухлестываю! И тут появляешься ты! Герой херов! Кулаками помахал и все?! Баба твоя?!

– Я не понимаю...

– Да где тебе понять, мудило?! Запала на тебя Анжелка! Бабы же они романтичные! Им героев подавай! Поэты уже не в чести! Я рассказал ей, что у тебя два ранения и тяжелая контузия! Так она все равно прет, как танк! Я добавил,

что ты в эпилепсии бьешься и ссышься по ночам! А она еще больше раззадорилась!

– Спасибо. Ты настоящий друг. После твоих теплых слов, вряд ли, она теперь посмотрит в мою сторону.

Кешка внезапно успокоился.

– Колюня, давай начистоту. Девчонка не для тебя. Она умница, интеллигентная, на журфаке учится. Папашка её в моем институте преподает. Она мне нужна. А кто ты? Грубый солдафон. Ты же не знаешь, что нужно женщине!

– А что нужно женщине?

Кешка вновь сорвался на крик:

– Женщине нужно, чтобы ее понимали! Чтобы рядом был тонко чувствующий человек! Человек, а не тупая бычара! Чуткий эстет, а не бездушная груда мускулов! Ты сколько книжек прочел?! Молчишь, дубина?! Ты же двух слов не свяжешь! О чем ты будешь с ней говорить?! О поправке на ветер во время стрельбы?! Или начнешь уговаривать: Анжелочка, не бойся гранату, она ручная!

– Да пошел ты! – Николай бросил трубку.

Снова звонок.

– Я еще не закончил! Прошу тебя, друг, откажись от нее! Сделай это ради нашей дружбы! Пожалей ее молодость! Ты хоть и молодой, но уже развалина! На тебе же живого места нет!

– Откуда ты знаешь? Ты что читал мою историю болезни?

– Нафига мне читать?! Ты на себя посмотри! Ты же переваливаешься, как беременная утка! А Анжелка просто дура! Она не понимает!

– Ты только что говорил, что она умница.

– Умница! Но дура! Ты же знаешь, баба дура не потому что дура, а потому что баба!

– Сволочь ты, Кеша! Сволочь и гадина!

– Ты урод! Я тебя предупреждаю: не уйдешь с дороги похорошему – я тебя сам уберу! У меня знаешь, какие связи?! Я тебя закопаю! Я тебя...

Николай швырнул трубку на рычаги.

Кешка снова звонил, но Николай выдернул телефонный шнур из розетки, упал в кресло и обхватил голову руками. На душе было гадко.

В дверь позвонили.

«Что нужно женщине? Что нужно мне? Что вам всем от меня нужно?».

Кто-то очень настойчивый жал кнопку звонка.

– Господи! Ну, кого еще принесло?!

На пороге стояла Анжела. В глазах испуг и надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.